

«Там, где виновны все или
почти все, нет виновных».

Ханна Арендт

ОГНЕННАЯ ПТИЦА

Анне Ильвес

18+

Анне Ильвес
Огненная птица

«Автор»

2019

Ильвес А.

Огненная птица / А. Ильвес — «Автор», 2019

ISBN 978-5-532-07047-9

Призраки существуют. Старик согласился бы с большой охотой с данным утверждением верящих в эту околесицу чудаков. Ведь столько лет он таскает такой уже близкий ему фантом на своих состарившихся плечах. Наступает ли облегчение от содеянного тобой злодеяния и можно ли спустя много лет безмятежно жить дальше, имея в шкафу мрачный скелет? А может, минувшее теперь всегда будет где-то неподалёку, то и дело попадаться на глаза, трансформируясь в старые снимки, письма или в маленькую коробочку, обтянутую зелёным бархатом...

ISBN 978-5-532-07047-9

© Ильвес А., 2019

© Автор, 2019

Содержание

Пролог	6
Глава 1	9
Глава 2	11
Глава 3	13
Глава 4	16
Глава 5	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

*Мне нужно забвенье, нужна тишина;
Я в волны нырну непробудного сна,
Вы, порванной арфы мятежные звуки,
Умолкните, думы, и чувства, и муки.*

Вильгельм Кюхельбекер

Пролог

Деревня Веселово. Июль, 1942 год

Мы стояли в окружении уже больше недели. В каком-то леске близ Камышина, рядом с деревенькой с неподходящим в данных обстоятельствах названием Веселово. Уж чего-чего, а веселья было мало. Лес с редко стоящими деревьями, в котором укрывались остатки нашего батальона, был лысым после артиллерийского обстрела, поэтому спрятаться здесь было довольно затруднительно, но выбирать не приходилось. У немцев, окруживших нас плотным кольцом, мы были как на блюде, не ясно только, зачем они медлили перед тем, как хорошенько поджарить остатки нашей части и отправить на тот свет. Мы каждый день ожидали подкрепления, которое было обещано, но тщетно.

Положение наше ухудшалось еще и благодаря погоде, которая, видимо, решила перейти на сторону фрицев. Третий день, казалось, без перерыва лил дождь, не оставляя нам даже сухой одежды. Про еду и говорить было нечего, скудный провиант стремительно исчезал в наших желудках бесследно, чистой воды практически не осталось, и ее решено было давать только раненым. Питались мы с ребятами подножным кормом, жалея о том, что пора березового сока прошла.

Голод сводил с ума и забирал остатки сил. Я часто представлял мамину булочку с маком, тающие во рту, которые она пекла для нас с отцом каждые выходные. Воспоминания о благоуханиях свежей выпечки омрачались царившим вокруг смрадом и запахом сырой земли, напоминавшим о том, что скоро мы все в ней окажемся, отдав Богу душу за родину и товарища Сталина. Уныние медленно, но верно одерживало победу над моим духом.

– Жень, у тебя махорки не осталось? – обратился ко мне наш командир, когда доковылял до большого, чудом уцелевшего дерева, под которым я сидел, пытаюсь укрыться от дождя. Он был ранен в ногу и еле передвигался. Несмотря на то что голень была залита не ясно откуда взявшейся зеленкой и крепко перевязана грязными бинтами, это не приносило ему никакого облегчения.

Я поднялся, чтобы помочь ему сесть.

– Найдется!

– Ну хоть что-то... – Он тяжело дышал.

– Вы держитесь, скоро придет подмога. – Я ободряюще похлопал его по плечу.

– Нет, Женька, тут и останусь, сгнию в здешней земле.

Командир закрыл глаза и замолчал, будто бы переводя дух и набираясь сил. Спустя время он произнес:

– Знаешь, дочка у меня до войны родилась, Надюша, уж четыре года ей, так вот у меня одна мечта – увидеть ее хоть разок еще, хоть на минутку. Да видно, не судьба, погляжу только с небес на мою девочку.

Он заплакал. Я не знал, куда прятать глаза, боясь унижить достоинство смелого человека тем, что стал свидетелем его минутной слабости.

В душе я догадывался, что он прав, дела его были совсем плохи, бескровные губы и пот, катившийся градом, подтверждали мои худшие опасения – начиналась гангрена.

Нашему командиру было лет тридцать. Но для войны и смерти нет разницы, старик ты или добрый молодец, косят на пару всех без разбора.

– Так! Хватит сопли на кулак наматывать! – Он внезапно успокоился и нахмурил брови. – Пойду распоряжусь, чтобы оставшиеся тела захоронили скорее, вонь несусветная.

Я помог ему подняться, и он поплелся в сторону импровизированного штаба. Трупы быстро гнили на летней жаре и источали сладковатое, тошнотворное зловоние.

* * *

Вдруг послышалась автоматная очередь. Все, кто мог, повскакивали с мест и похватались за оружие, раненые только мычали и корчились от боли и безвыходности. Немцы, не щадя животов своих, обстреливали нас будто без перерыва. Бой уже длился несколько минут, а казалось, что прошла целая вечность.

Пока я полз к углублению в земле, чтобы занять удобную позицию для стрельбы, я увидел нашего командира.

Он был мертв. На его лице не было выражения муки, он будто бы просто спал, только кровавое месиво на месте грудной клетки говорило о том, что сон этот был вечным.

Теперь его перевязанная гниющая нога казалась каплей в море наряду со всеми злоключениями, выпавшими на его долю. Дело дрянь. Без командира придется туговато. Кто будет следить за дисциплиной и отдавать приказы бойцам идти вперед, а не поджавши хвост отступить прямо в лапы заградотрядов? Всем уже был известен приказ «ни шагу назад» и что бывает, если попытаешься сохранить свою никчемную жизнь – прямиком в штрафбат, а там уж верная смерть... Так что или грудь в крестах, или голова в кустах.

На нашего старшину надежды маловато, трус каких поискать, все отсидеться хочет, где потише, чтобы шкура целее была, первым пустится наутек, а за ним и другие солдатики. Будто бы в подтверждение моих мыслей я в какой-то момент понял, что рядом со мной практически никого не было, только человек десять-пятнадцать, где остальные?

Обернувшись, я увидел, что солдатня, отступая, пытается укрыться в глубине леса. Вот стервятники! Я начал стрелять без разбора, больше от отчаяния, нежели в цель.

Внезапно я услышал музыку.

Сначала мне показалось, что я ослышался, но нет, музыка действительно звучала, и это не было предсмертным бредом. Повернув голову в сторону доносящихся звуков, я обомлел, увидев Сему, моего друга, с которым мы бок о бок воевали с первых дней войны и сейчас вместе оказались в этом чудовищном котле. Он стоял во весь рост и наигрывал на своей медной трубе, которую таскал везде с собой как оберег, «Прощание славянки». Спятил, что ли?!

– Семен, ложись! – крикнул я, но он, казалось, не слышал ничего вокруг и продолжал играть. Я попытался снова докричаться до него, но мои вопли заглушали автоматные очереди.

– Ложись! Убьют, дурак!

Через мгновенье за спиной я почувствовал какое-то движение. Возвращались солдаты, которые хотели укрыться в лесу. Теперь они шли вперед, видимо влекомые такой знакомой и родной музыкой.

Кто-то крикнул:

– Вперед, ребята!

– Давайте, родные, за матерей, за Родину!

А музыка все лилась по воздуху, наполняя торжеством грудь и даря надежду.

Ну Семен, выдумал же способ поднять боевой дух, подумалось мне тогда. Сам черт бы не догадался.

* * *

Не знаю как, но в тот день нам удалось вырваться из окружения. Как никогда кстати подоспевшее подкрепление спасло наши шкуры.

Притча про смелого трубача быстро разошлась между бойцами и обросла байками. Я часто, некоторое время спустя, возвращался в памяти к этому случаю. Что это было? Та самая сила искусства? Или сама жизнь, договорившись с судьбой, благоволила нам в тот дождливый

день? Мог ли я тогда представить, что ждет меня в дальнейшем? И как тесно будут связаны наши судьбы с этим пареньком, играющим на трубе. И все же самое невероятное во всей этой истории то, что Сема остался цел и невредим, даже не ранен.

Как говорится в одной народной пословице, «в рубашке родился», не иначе. Его даже представили к награде, повесили на широкую грудь медаль «За отвагу». Я невероятно гордился им, ведь парнишка этот был не просто моим товарищем-сослуживцем, а Семкой-музыкантом, другом детства, с которым мы выросли в одном дворе.

Глава 1

Москва. Наши дни

Зимнее тусклое солнце уже взошло. Острые, как осколки стекла, снежинки, подгоняемые порывами северного ветра, залетали в комнату сквозь приоткрытое окно и находили свое последнее пристанище на раскаленной батарее. Куря сигарету и наблюдая за этим зрелищем, я поймала себя на мысли, что неплохо было бы так избавляться от всех непрошенных гостей. Усаживать их задницы прямоком на горяченькое, а не в уютные кресла, чтобы им было удобнее вваливать тонну ненужной информации в твою голову.

Помимо отвратительной погоды, которая зачастила в столицу, утро начиналось привычно. Ленивые перемещения по квартире, чашка невкусного кофе и пугающее отражение в зеркале ванной комнаты, нечто всклокоченное, с темными кругами под глазами таких размеров, которым позавидует любая панда. Струйки зубной пасты, стекая по подбородку, приятно покалывали кожу. Именно это покалывание для меня всегда было символом начала нового дня.

Видок у меня был слегка потрепанный и неряшливый, как всегда в стенах родной квартиры. Знаю множество женщин, покупающих одежду исключительно для ношения дома. Уютные пижамы, красивые шелковые халатики, мягкие тапочки или изящные шлепанцы на невысоком каблучке. Делается это, видимо, для того, чтобы выглядеть притягательно даже в неформальной домашней обстановке. Представив себе, как такие дамы гордо рассекают со сковородкой в руке по кухне в ажурном negligé, я рассмеялась. Моя персона, к сожалению или счастью, не из их числа.

Шлепая по полу босыми ногами, я одернула старую голубую футболку моего отца, которая когда-то была темно-синей, и подтянула повыше спортивные штаны, в которых стыдно было бы выйти на утреннюю прогулку с собакой, если бы таковая у меня имелась. Чувствую себя необычайно просторно и комфортно в таком одеянии. Может, в прошлой жизни я была привокзальной бродягой или без кола без двора странником с котомкой за спиной? Иначе не могу объяснить свою тягу к растянутым майкам и подобного вида тряпью.

Жаль, на работу так заявляться нельзя. Я вздохнула.

Работа. Совсем забыла о том, что у меня осталась пара дел, требующих внимания, что ж, «пора, мой друг, пора!..» Сев за компьютер и найдя на рабочем столе нужную папку с интригующим названием «Утопление», я стала с удовольствием абсорбировать не обремененным еще ничем с утра мозгом уже известную мне информацию, пытаюсь отыскать для себя что-то новое.

Мысли мои были полностью погружены в этапы разложения человеческого трупа в воде, помнится, классик советовал не читать советских газет за обедом, а про разложение не упоминал, значит, в самый раз. «По мере того как разлагаются мягкие ткани, разрушается слой подкожного жира...» Погруженная в чтение, я даже не сразу вспомнила, что сегодня мой день рождения. Двадцать семь лет.

Не люблю этот праздник, да и праздником как таковым его можно называть с натяжкой, так себе событие. Причина моей нелюбви заключается вовсе не в грядущем неизбежном старении, да и первые слегка уловимые морщинки пока что оставляют равнодушными мое девичье сердце. Не терплю его по другой причине. В день моего рождения, ровно одиннадцать лет назад, пропал мой дедушка.

Хорошо помню то утро. Дед, чисто выбритый, нарядно одетый в свой старомодный смешной костюм, зашел ко мне в комнату.

– Машенька, внучка, с днем рождения, – веселым, преувеличенно торжественным тоном проговорил он и обнял меня, распространяя волну запаха тяжелого мужского парфюма и табака.

– У меня и подарочек для тебя имеется, девочка. Только хочу сначала кое о чем тебе рассказать, я недавно нашел одного человека...

– Деда, давай потом, ладно? – я бесцеремонно прервала его, не дав договорить, и со свойственным подросткам равнодушием даже не уточнила, кого он там нашел, так как все мои мысли были заняты лишь предстоящим походом с подружкой на танцы.

– Хорошо, Машенька, потом так потом, коза деловая. Вот, возьми, – и протянул мне небольшую коробку, обитую зеленым бархатом. Вид у нее был, мягко говоря, потрепанный. В ней обнаружился кулон на тонкой цепочке и медный невзрачный браслет, в кулон, видимо, когда-то была вставлена фотография, но сейчас там зияла пустота. Я скупно поблагодарила его за подарок, чмокнула в щеку и, сложив дары обратно в коробку, равнодушно поставила ее на трюмо.

– Ну, наряжайся, не буду мешать, девочка. – И вышел из комнаты.

Тогда я видела его в последний раз. Слышно было, как за ним захлопнулась дверь, и он растворился в морозном дне навсегда. Потом, когда начались поиски, я тысячу раз прокручивала сцену нашего разговора у себя в голове. Будто искала какую-то зацепку, тонкую ниточку, за которую просто нужно сильнее потянуть, чтобы затащить его обратно домой. Но все усилия оказались напрасными.

Глава 2

От выпитого кофе начиналась изжога. В холодильнике обнаружилась бутылка молока, масло и пара яиц, негусто. Если бы мышь захотела там повеситься, то только на собственном хвосте, так как не нашлось бы даже нитки от колбасной палки для достойного ухода из жизни. Обреченно захлопнув дверцу, я подумала, что самое время заглянуть в любимую кофейню. Благо идти далеко не нужно, находилась она в доме напротив. Нацепив на себя первое, что попало под руку, я решительно выскочила на промозглую улицу. Февраль.

В этом году февраль вырвал пальму первенства по противности даже у января. Снег вперемешку с грязью и водой не оставил моим ботинкам ни единого шанса выглядеть лицеприятно, а ледяной ветер заставил сожалеть о своем решении не надевать шапку.

– Машуля, привет! Тебе как обычно? – Войдя в помещение, я услышала знакомый голос официанта Витьки, и на душе потеплело, то ли от мыслей о горячих круассанах, то ли от его добродушного тона.

– Ага!

Плюхнувшись в кресло у любимого столика возле окна, я открыла макбук. И уткнувшись в третий том Сапина о нервной системе, появившийся на экране, поймала себя на мысли, что благодарна техническому прогрессу за освобождение моего рюкзака от тяжелых книжных томов. Погрузившись в чтение, я и не заметила, как сэндвич с ветчиной и пара круассанов были безжалостно мной истреблены в считанные минуты. Голод не тетка. Что ж, самое время для горячего латте, я улыбнулась, с трудом сдерживая себя, чтобы довольно не потянуться и не замурлыкать от удовольствия, как кошка. Кто-то подошел к столику.

– Девушка, у вас ус отклеился.

Я оторвала взгляд от компьютерного экрана и молча уставилась на говорившего. Передо мной стоял незнакомый молодой парень и улыбался, глядя на меня. Видимо, незадачливый донжуан был невероятно доволен собой и своим оригинальным способом знакомства, раз сиял, как рождественская звезда.

– Меня Сема зовут, – наконец произнес он после неловкой паузы. – Могу присесть?

Внутри меня что-то екнуло, Семой звали моего дедушку. Видимо, это остановило меня в тот момент отшить двухметрового ценителя женских усов, и я жестом пригласила его сесть за свой столик.

– Маша, будем знакомы.

Исподтишка я разглядывала своего нового знакомого, пока он пытался очаровать меня потоком стандартных фраз и пустых разговоров «про природу и погоду». Красивый. Такой дурацкой банальной красотой, которая нравится всем, как пресловутый доллар. Высокий блондин с пронзительно синими глазами. С легкостью сошел бы за какого-нибудь скандинавского божка.

– Берешь работу на дом? – спросил он, поглядывая на мои регистрационные журналы и конспекты, лежащие рядом с макбуком.

– Никогда, – ответила я чересчур серьезно.

– Почему так категорично?

– Я патологоанатом.

На пару секунд он умолк, а потом мы вместе рассмеялись.

Я действительно патологоанатом. Родители всегда мечтали, чтобы их единственная кровиночка стала врачом, но такого поворота явно не ожидали. Я, не смея им перечить, поступила в знаменитую «пироговку» на «лечебное дело», а затем в ординатуру по направлению «патологическая анатомия». Не могу по сей день объяснить даже самой себе подобный выбор, но чувствую я себя на удивление комфортно среди моих молчаливых клиентов. Как говорил

наш преподаватель анатомии нам, еще юнцам первокурсникам, «патологоанатом – это специалист, который в отличие от психологов действительно изучает внутренний мир человека», а мне всегда нравился обстоятельный подход к делу.

Мы вышли из кафе, решив прогуляться. Спутник мой оказался оперативником уголовного розыска и всю дорогу развлекал меня рассказами о своих трудовых буднях и подвигах.

Обменявшись телефонами, мы договорились встретиться на следующий день. Отказавшись от настойчивого предложения проводить меня к родным дверям подъезда, я побрела в ближайший супермаркет, обзавестись бутылкой вина. День рождения как-никак.

Вечером, сидя в кресле с бокалом вина, тупо уставившись в полной тишине в стену, я решила запустить дедушкин патефон, чтобы хоть как-то поднять настроение, которое медленно, но верно ползло к отметке «плинтус». По комнате поплыл обволакивающий баритон Утесова. Дедушка очень любил эту пластинку. Воспоминания нахлынувшей волной унесли в прошлое, и мне почему-то снова захотелось увидеть подарок деда, который он отдал мне перед своим исчезновением. У меня в спальне его не оказалось, наверное, мама переложила коробку ко всем остальным его вещам, чтобы не терзать себя всякий раз, случайно наткнувшись взглядом на какую-нибудь вещицу любимого отца. Комната деда была закрыта на ключ, который болтался на связке, лежащей в глубине комода, стоящего в прихожей. Открыв дверь, я обнаружила, что здесь ничего не изменилось с момента моего последнего пребывания. Много лет сюда никто не входил. В воздухе витала заброшенность вперемешку с пылью. На стене его фотографии в военной форме, молодой статный мужчина с жаждой жизни в глазах. Удивительно, но он никогда не рассказывал о войне. Я, будучи подростком, бывало, допытывала его просьбами рассказать какие-нибудь истории, но он сразу мрачнел, сердился и начинал ворчать, что соплякам вроде меня лишь бы уши развесить. Мама, видя, как у деда портится настроение, с напущенной строгостью просила оставить его в покое незамедлительно. Девятое мая он не любил. Бережно хранил свой военный китель с наградами, ездил на встречи с однополчанами, приносил домой охапки цветов, но как будто бы с нетерпением ждал следующего дня, когда наконец уляжется вся праздничная шумиха, заставлявшая память вновь возвратиться к событиям того времени.

Нужная мне коробка обнаружилась в его письменном столе. Браслет и кулон покоились на прежнем месте, повертев их в руках, я подумала то же, что и десятилетие назад – невзрачные медные бирюльки. Откуда они вообще у дедушки, с барахолки принес, что ли? Поставив коробочку на пол, я решила пересмотреть пачку фотографий, перетянутых старой резинкой для волос, которые лежали здесь же. Вот бабушка, совсем юная, темные тяжелые косы красиво лежат на плечах, на ней нарядное светлое платье в горошек со смешным воротничком.

Она погибла, когда моя мама была еще ребенком, с ней произошел несчастный случай. Бабушка, идя на работу, не заметила и наступила на лежавший на земле оголенный провод, сорванный непогодой. На другой фотографии мама держит меня на руках, вид у меня зареванный. А здесь мой молодой папа в дурацких солнечных очках, с еще пышной шевелюрой. Среди фотографий обнаружился пухлый потрепанный конверт, а в нем фотографии военных лет. Дедушка в обнимку с каким-то улыбчивым парнем, на другой с ребятами возле полевой кухни, а вот прижимает огромную собаку к груди и смеется. Собака-то там откуда? Настроение не улучшилось, и я, сложив все обратно в стол, кроме дедушкиного подарка и его фотографии с собакой, прихватчу ее себе, пожалуй, решила, что самое время отправляться спать. С утра еще нужно ехать в морг на вскрытие, так что пришел срок погрузиться в теплые объятия Морфея. Противное пошло, гордо именующее себя «красное полусухое», допью как-нибудь в другой раз.

Ночью мне приснился дед. Веселый, молодой, как на фронтовой фотографии. Не знаю, чем были навеяны эти сновидения, может, знакомством с его тезкой? А может, и из-за воспоминаний, которые пробудились во мне, после того как я заглянула в его комнату спустя много лет.

Глава 3

На улице шел дождь. Видимо, подумал, что февраль – самое подходящее для него время. Плюхнувшись в свой миникупер, я включила радио, из динамика донеслось знакомое «Hallo» Лайонела Ричи. Собрав по дороге все светофоры, я наконец добралась до места работы. Морг в любое время года зрелище довольно удручающее, а зимой так вообще апогей безвыходности. Старое одноэтажное здание, давно требующее и даже умоляющее ремонта. Любого, где уж там капитального. Желтая краска давно облупилась, оголяя нутро фасада; обшарпанной двери не хватало только таблички «Добро пожаловать», чтобы пазл в голове сложился до конца и можно было бы присвоить без сомнения этому месту статус «царства обреченности и печали». Зайдя вовнутрь, я тут же почувствовала сладковато-терпкий запах, который, казалось, тут же заполнил собой все мои внутренности, после первого же вдоха. Холодно. Царивший полумрак и жужжание бактерицидных ламп настраивало на нужный лад всех работников морга. Пахнет свернувшейся кровью с примесью запаха формалина. Навстречу, как всегда в приподнятом настроении, идет Михаил Петрович, «Миха», как его все называют за глаза, мой начальник и старейший работник морга.

– Привет, Манюня! Оставил тебе прехорошенькую чистенькую бабулечку после инфаркта! Подгнившего парнишку, бедолагу, себе взял. Ни к чему девице лишний раз в червях ковыряться, а то сбежишь еще раньше времени, а кадры беречь нужно!

– Ну спасибо за заботу, Михал Петрович!

– Давай, давай, заходи потом чаек пить, у Володьки санитаря сегодня день рождения, торт приволок! Пальчики оближешь!

– Ну уж нет, увольте.

– Странная ты девка, Мань! – и пошел дальше, слегка пританцовывая, по коридору, мурлыкая что-то веселое себе под нос. «Кто бы говорил», – пронеслось у меня в голове. Ну, за работу!

Повесив свою одежду в шкафчик, я надела чистый хирургический халат и зашла в секционную. Санитары уже принесли тело из холодильной камеры и положили старушку на стол из нержавеющей стали. Из старенького магнитофона доносился «Requiem aeternam» Моцарта. Кассета Михаила Петровича, одна и та же композиция, записанная по кругу. Работается ему, видите ли, лучше под данный аккомпанемент. А меня еще странной называет, ну-ну. Ладно, пусть пиликает.

Закончив работу, я поплелась курить на крыльцо. Дождь все еще накрапывал, превращая снег в ледяную кашу. Чьи-то родственники приехали забирать тело; слезы, всхлипы, печальные лица. Я отвернулась. Вдруг подумалось о тех, за кем не приезжают вообще. В Москве есть трупохранилище, куда попадают все невостребованные трупы со всех моргов.

Если личность покойного не установлена, тело хранится в течение года, потом захоранивается в могиле с порядковым номером, а после пяти лет эксгумируется и кремируется.

Свой последний приют прах умершего находит в общей могиле Николо-Архангельского кладбища. А бывает, что личность известна, но все равно не востребована. Итог один – кремация и захоронение в общую могилу.

– Михал Петрович, я пойду? – спросила я у Михи, когда он вышел ко мне на крыльцо выкурить сигарету перед встречей с родственниками убитого парня.

– Топай. Сделал дело – гуляй смело, – ответил он, тяжело вздохнул, покрепче затянулся напоследок, забросил окурочек за крыльцо и ушел, не попрощавшись. Разговоры с родственниками Миха не любил.

Сегодня я должна встретиться с Семой, мы договорились пойти в кино. Забыла уже, когда в последний раз бывала там, как будто в прошлой жизни. Хотелось бы навести лоск, как говорит папа, а не выглядеть как общипанная курица с легким запахом формалина.

Ровно в девять вечера раздался звонок в дверь. Открыв, я увидела Семена, стоящего с пышным букетом желтых хризантем.

– Привет, Маша, это тебе, – сказал он, слегка смутившись, протягивая цветы.

– Проходи, раздевайся. Я, к сожалению, оказалась не такой пунктуальной, как ты.

Пока он возился в прихожей, я поставила цветы в большую стеклянную вазу на кухне.

– У тебя уютно, – сказал Сема, устроившись удобно в глубоком кресле в гостиной. – Ты живешь одна?

– Да, у родителей своя квартира, но и там они редкие гости. Все время проводят в разъездах, посвятили свою жизнь изучению молекулярной биоинженерии. То и дело болтаются на разных научных форумах, конференциях и ездят в заграничные командировки. Это квартира моего дедушки, я с детства практически постоянно жила у него, можно сказать, только он и занимался моим воспитанием, родителям катастрофически не хватало часов в сутках одновременно присматривать за ребенком и зарабатывать деньги. Наверное, я была для него тем самым ярмом, которое вешают на шею, приходилось со мной не просто. Но несмотря ни на что, мы были очень близки с дедом. – Я улыбнулась. – Совсем забыла про чай, сейчас принесу.

Поставив чашки на кофейный столик с коваными ножками, я села в стоящее напротив Семы кресло. Горел торшер, заливая комнату приятным желтым полумраком, от которого лицо молодого мужчины выглядело еще более привлекательным. Я была удивлена тому, насколько легко оказалось разговаривать с ним, малознакомым человеком, и почему-то в глубине души рассчитывала на то, что он чувствует то же самое.

– Где сейчас твой дедушка?

Почему-то мне захотелось все ему рассказать, поделиться тем, что терзало меня последние годы. Выслушав меня, он вздохнул:

– У меня как у полицейского для тебя не слишком приятные новости, вероятнее всего, его нет в живых. Пропавшие люди по статистике находятся или сразу, или никогда, исключений очень мало.

– Да, в полиции нас сразу предупредили об этом, но лучик надежды сложно погасить в сердцах близких. Ты знаешь, в глубине души я все еще надеюсь увидеть его, верю в то, что он вернется домой, туда, где его до сих пор ждут.

Мы замолчали.

– Совсем не хочется идти в кино, может, прогуляемся? – я решила прервать затянувшуюся паузу.

Мы шли по вечерней Москве, то и дело наступая в кашу из подтаявшего снега и грязи. Зайдя в какой-то скверик, остановились возле насквозь промокших лавочек и курили одну за одной, не замечая никого вокруг. Ничего не делать и слоняться бесцельно по улицам, болтая о всякой ерунде, было невероятно приятно. Но пришло время возвращаться.

Когда мы подошли к дому, где я жила, он вдруг взял меня за руку и притянул к себе.

– Маша, ты мне очень нравишься, просто хочу, чтобы ты знала об этом, – вдруг сказал он, пытаясь крепче сжать меня в объятьях. Я смутилась и, ничего не ответив, вырвалась из его крепких ручищ и быстро заскочила в подъезд, захлопнув дверь перед его носом. Глупо вышло. Я даже себе не смогла объяснить свое поведение, подозрения были только на мой талант попадать в дурацкие ситуации. Это да, мой конек. Он, наверное, до сих пор торчит там, ошарашенно пялясь на дверь.

На следующее утро, взяв телефон, чтобы отключить навязчивый сигнал будильника, я увидела сообщение: «Маша, я сегодня уезжаю в Питер на три дня по работе, надеюсь, не напу-

гал тебя вчера своей напористостью. Когда разберусь с рабочими вопросами, надеюсь на нашу встречу. Семен».

Уезжает. Ну что ж, в добрый путь. Я не ответила.

Глава 4

Украина. Февраль, 1943 год

Отвратительная погода. Февральский унылый день. Серое небо заволочло тучами, видимо, снег нанесет свой белоснежный визит в наш грязный промерзший окоп. Весны и тепла уже давно никто не ждет, не до жиру, были бы живы, как говорится. Кто-то играет на губной гармошке. Ребята собрались вокруг играющего и с жадностью поглощают свой скудный паек. Смеются. Наверное, это нервное.

– Да не хачу! Надоело эта все! Не мая вайна, что здесь забыл?! Дома дел невпроворот! Не хачу воевать, хачу дома фруктовые деревья сажать, делать из слив терпкий ткемали, хачу детей растить, хачу гостей звать! Ви хот раз бывали в Батуми? Рай на земле! Не то что тут в холодине помирать!

Это раздухарился наш Вахо, он грузин. Рыжий, как лисица. Пойду, пожалуй, подальше, с такими разговорами и до трибунала недалеко, там очень рады таким гостям. И детей тебя растить отправят, и гостей встречать, все организуют, они люди добрые, чтоб их черти драли.

Наши войска забросили под Харьков, видимо, намечается какая-то славная заварушка. Интересно, как там мама с отцом, живы ли? Писем от них не было, кажется, целую вечность.

Они остались в Москве, в эвакуацию не попали, оба работали на электростроительном заводе «Динамо» и не захотели уезжать из родного города. Завод уже в первые дни войны перешел на выпуск продукции для фронта, рабочие стали делать комплектующие для стрелкового оружия, ремонта танков и бронированных машин. Только были бы живы...

– Чего куксишься, музыкант?

Передо мной, улыбаясь во все свои тридцать два зуба, откуда ни возьмись появился Женька. Мой лучший друг детства. И как мы только умудрились попасть в одну роту?

Оба коренные москвичи, оба ушли в сорок первом на фронт добровольцами. Женька был старше меня на год, но у меня иногда возникало чувство, что старше он на целую жизнь, а то и на две, паренек был рассудительным и умным не по годам. Самое удивительное, что он старался никогда не показывать этого, скрывая за добродушной простой улыбкой знания, которых хватило бы на две профессорские головы как минимум. Его отец был гениальным столяром, в дореволюционной России делал мебель вручную, слава шла по всей стране о чудо-мастере. При Советах старик тоже не бросил любимого дела, устроился на мебельный завод и делал «уродливую, как и теперешняя страна» простенькую обстановку.

Женьке передан отцовский талант, и когда они что-то мастерили вместе, наблюдать за этой парочкой было одно удовольствие. Пухленький, вечно ворчливый, недовольный старикашка и смеющийся двухметровый детина спорили из-за каждого пустячка, громко выясняли отношения, смешно переругиваясь между собой.

– Чего не кукситься? Оглянись вокруг и найди хоть одну причину, почему мою рожу должна озарять блаженная счастливая улыбка, – недовольно пробурчал я в ответ. Он засмеялся.

– Растронделся, брюзга, и потише возмущайся, вон старший ходит, как лис по курятнику, ищет, к кому бы прикопаться. Вот, махорочки покури – уже повод порадоваться.

Мы важно расселись, потягивая одну на двоих папироску.

– Что Аглая, пишет? – спросил я.

– Нет. Запропастилась куда-то, – Женька внезапно погрустнел.

– И угораздило же тебя в такое лихое время жениться, – посетовал я.

– А я вот не жалею! – сказал он, видимо, забросив унылые мысли куда подальше, снова улыбнулся. Пошел снег.

Со стороны леса донеслись крики.

– Шарик! Ша-а-а-арик, мать твою! Куда ты подевался, гвоздь в моей заднице, а не собака!

Шарик несся по окопу, сбивая всех и вся на своем пути, кто-то из солдат поманил пса куском хлеба. Остановилась собачина только возле бойца, протягивающего угощение, сожрал он его за секунду, мечтая, наверное, полакомиться еще и рукой хотя бы до локтя.

– Маджид! Какого черта творишь, образина?! Как я теперь его должен уговаривать под танк лезть?!

Это орал «на всю Украину» наш кинолог Антип. Молоденький узбек мяукал что-то бес-связное в ответ.

– Жалько его, жалько, хорошая песка.

– Тфу, дурак, – выругался Антип, схватил провинившегося Шарика за шкуру и поволок к остальным собакам. Ругался он неспроста, собак не кормят несколько дней, приучая их к тому, что еду можно найти под танком. Надевают макет взрывного устройства и дрессируют залезать под танк уже с ним. Немцы с ума сходят от наших четвероногих. Сетки натягивали на днища танков, пулеметным огнем обстреливали – все нипочем Барбосам. Конечно, большая часть собак-истребителей погибает вместе с подорванным танком...

Нас окликнули, и мы побрели рыть окопы.

Глава 5

Москва. Наши дни

В дверь позвонили. Вздрогнув от неожиданности, я встала с кресла и пошла посмотреть, кого там черти принесли на ночь глядя. Проходя по коридору, споткнулась о короб с дедушкиными вещами, боль в ноге напомнила о том, что накануне я устроила в его комнате ревизию. Теперь предстояло вновь все перебрать и разложить, избавившись от ненужного. Дурака работа любит, как частенько говорит Миха, гоняя ленивых санитаров перемывать секционную снова и снова.

Посмотрев в глазок, я увидела Сему. Не знаю почему, но я была приятно удивлена его визиту и поторопилась открыть замок.

– Привет, какими судьбами? – я улыбнулась.

– Маш, ты не ответила, я думал, может, с тобой приключилось что... – Он был смущен и несколько растерян.

– Ты же в Питер уехал по работе, не стала отвлекать.

– Да, вернулся вчера ночью, можно войти?

Я опомнилась, вот курица, даже не заметила, что держу человека на пороге.

– Входи, конечно! – Видимо, от неожиданности визита я забыла о приличиях. – Только сразу предупреждаю, кроме подсохших бутербродов и початой бутылки вина угоститься нечем.

– Ты вообще питаешься чем-нибудь? Сейчас вернусь, – он накинул снова свое пальто и скрылся за дверью.

Вернулся Сема минут через сорок, этого времени мне хватило, чтобы привести себя в более презентабельный вид.

– Ты что, ограбил супермаркет? – я засмеялась, когда увидела его на пороге, нагруженного огромными пакетами.

– Почему сразу ограбил, – он улыбнулся, – позволь сегодня поухаживать за тобой. Ты же не против, если я похозяйничаю на твоей кухне?

– Предоставляю тебе ее в полное распоряжение!

Через два часа ужин был готов. Стейки из говядины, приправленные веточками розмарина, издавали такой аромат, что, наверное, кошки из всех близлежащих окрестностей прилипли сейчас к дверям подъезда. Мы открыли вино.

– Сегодня у меня был просто королевский ужин, спасибо тебе, незваный гость, – сказала я, убирая тарелки со стола. – Где ты так научился готовить?

– Годы холостяцкой жизни принесли свои плоды. Да и готовить я, собственно, не умею, только мясо, а это, наверное, у мужчин в крови. Ты переезжать собираешься?

Он кивнул в сторону коробок, которые в разрозненном порядке стояли по всей квартире.

– Это дедушкины вещи, не ожидала, что их так много.

Он встал и подошел к окну, на подоконнике которого стояла та самая коробка с дедушкиным подарком.

– Посмотри, это мне подарил дед в день своего исчезновения, – сказала я, увидев, что он заинтересованно крутит коробку в руках, стесняясь открыть.

Сема долго рассматривал безделушки, особенно его заинтересовал браслет.

– Кому это принадлежало?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.